

И.Н. Стрекалов*

«ПИСЬМА ВО ВЛАСТЬ» СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН
В ХОДЕ СОЗДАНИЯ КОНСТИТУЦИИ СССР 1977 ГОДА:
ЛОМКА СТЕРЕОТИПА И НЕОЖИДАННЫЕ «ОТКРОВЕНИЯ»**

doi:10.31518/2618-9100-2022-6-12
УДК 352.07(47+57)(044)"1977"

Выходные данные для цитирования:
Стрекалов И.Н. «Письма во власть» советских граждан в ходе создания Конституции СССР 1977 года: ломка стереотипа и неожиданные «откровения» // Исторический курьер. 2022. № 6 (26). С. 154–163. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-12.pdf>

I.N. Strekalov*

“LETTERS TO POWER” OF SOVIET CITIZENS DURING THE CREATION OF THE CONSTITUTION OF THE USSR IN 1977: “BREAKING” THE TEMPLATE AND UNEXPECTED “REVELATIONS”***

doi:10.31518/2618-9100-2022-6-12

How to cite:
Strekalov I.N. “Letters to power” of Soviet Citizens During the Creation of the Constitution of the USSR in 1977: “Breaking” the Template and Unexpected “Revelations” // Historical Courier, 2022, No. 6 (26), pp. 154–163. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-12.pdf>]

Abstract. The article is devoted to the analysis of non-standard appeals of the Soviet citizens about the structure of the state and society in the 1960s–1970s in the “letters to power”. This subject of research was considered in connection with the constitutional reform, e.g. the process of creating the third Constitution of the USSR, officially held from 1962 to 1977. The work draws attention to the non-standard approach of Soviet citizens to the creation of a new Basic Law of the country, to discuss not only socio-economic, political and other issues that were of particular interest to them. Citizens’ letters to the Constitutional Commission, considered by employees of the apparatus of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR, as well as letters from the sub-department of letters of the General Department of the Central Committee of the CPSU were studied. Through the introduction of these sources into scientific circulation, it is possible to expand the ideas of researchers about the limits of thinking, creativity and the variety of approaches to constitutional reform. Once again, the analysis of constitutional correspondence indicates the impossibility of applying certain concepts and terms in relation to the entire Soviet society as a whole, testifies in favor of the existence of differences in Soviet society, the desire of a number of Soviet citizens to abandon standard appeals to power and even their commitment to “revelation” in dialogue with it.

Keywords: Constitution, Soviet society, Soviet Union, N.S. Khrushchev, L.I. Brezhnev, different thoughts (raznomyslie).

The article has been received by the editor on 14.04.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена анализу нестандартных обращений советских граждан об устройстве государства и общества в 1960–1970-е гг. в «письмах во власть». Данный предмет исследования рассмотрен в связи с конституционной реформой –

* **Илья Николаевич Стрекалов**, кандидат исторических наук, свободный исследователь, Москва, Россия, e-mail: strekalov4@gmail.com

Ilya Nikolaevich Strekalov, Candidate of Historical Sciences, Free Researcher, Moscow, Russia, e-mail: strekalov4@gmail.com

** Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 20-09-00218 «Практики взаимодействия власти и общества в позднесоветский период (1956–1985 гг.)».

The article was prepared as part of the RFBR grant project No. 20-09-00218 “Practices of Interaction Between Government and Society in the Late Soviet Period (1956–1985)”.

процессом создания третьей Конституции СССР в 1962–1977 гг. Обращается внимание на нестандартный подход советских граждан к вопросу создания нового Основного Закона страны, на желание озвучить не только интересующие и волнующие их социально-экономические, политические и иные вопросы. Изучены письма граждан в Конституционную комиссию, рассматривавшиеся сотрудниками аппарата Президиума Верховного Совета СССР, а также письма подотдела писем Общего отдела ЦК КПСС, содержащие информацию о предложениях к проекту Конституции. Благодаря введению в научный оборот данных источников представляется возможным расширить представления исследователей о пределах творческого мышления, креативности и многообразия подходов к конституционной реформе со стороны советских граждан. Анализ конституционной корреспонденции лишний раз свидетельствует о невозможности применения тех или иных концептов и терминов по отношению ко всему советскому обществу в целом, свидетельствует в пользу существования разномыслия в советском обществе, стремления ряда советских граждан к отказу от стандартных обращений к власти и даже к «откровению» в диалоге с ней.

Ключевые слова: Конституция, советское общество, Советский Союз, Н.С. Хрущев, Л.И. Брежнев, разномыслие, творчество.

Статья поступила в редакцию 14.04.2022 г.

«Письма во власть» (или «public letter-writing», как это называется в англоязычной литературе) являются одним из наиболее привлекательных для историков сюжетов, позволяющих проследить характер взаимодействия власти и общества в самые разные исторические эпохи. Это связано с тем, что во все времена письменное обращение гражданина к руководству государства являлось и продолжает являться одним из прямых и надежных каналов коммуникации между населением и властью. Изучение этого исторического сюжета позволяет выявить тенденции, закономерности, провести определенные наблюдения по вопросу о том, как складывается взаимодействие власти и общества, почему оно принимает именно такой характер. Однако «письма во власть» являются также незаменимым источником при изучении образа мышления, сознания человека и гражданина, позволяют выявить стиль его сообщения с руководством страны. В случае с советской эпохой в отечественной истории это позволяет приблизиться к пониманию того, какой была в те или иные периоды этой эпохи советская идентичность, какие ценностные установки разделял рядовой гражданин в отношении власти, а также выяснить, можно ли считать, что это были некие единые, раз и навсегда заданные аксиомы мышления. Этот исторический сюжет также позволяет понять, в чем заключались особенности человека именно советской формации и как они повлияли на ход исторических событий, которые привели к распаду СССР.

В историографии «писем во власть» эпохи СССР наиболее изученным является ранне-советский период¹, также свою историю изучения имеет период 1930-х гг.², военные и послевоенные годы³. В конце прошлого столетия, когда стали доступны многие архивные документы, связанные с позднесоветской эпохой, историки стали писать о взаимодействии

¹ Напр., см.: Лившин А.Я. Эффективность реквизиционной и налоговой политики в 1917–1927 годах в письмах «во власть» // Вестник Пермского университета. История. 2020. Вып. 3. С. 139–150; Лившин А.Я., Орлов И.Б. Власть и общество: Диалог в письмах. М., 2002; Морозова Т.И. Письма сибиряков во власть в условиях новой экономической политики // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 412. С. 89–97.

² Напр., см.: Великанова О. Конституция 1936 года и массовая культура политического сталинизма. М., 2021; Савин А.И. Письма во власть как специфическая форма политической адаптации советских граждан в 1930-е годы // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2016. Т. 15, № 8. С. 133–145.

³ Напр., см.: Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность 1945–1953. М., 1999; Кимерлинг А.С. «Прошу разобрать это письмо и устранить односторонние взгляды на рабочих, а иначе я буду вынужден написать в ЦК нашей партии»: письма во власть в послевоенные годы // Вестник РУДН. История России. 2013. № 2. С. 5–15; Советская действительность и массовое сознание. 1939–1945. М., 2003.

власти и общества в период хрущевской «оттепели»⁴ и, наконец, о времени правления Л.И. Брежнева⁵. Все это позволило отечественной исторической науке развернуть полноценный историографический сюжет о «письмах во власть», глубже проникнуть в основы ментальности и сознания советского общества на разных этапах его существования, понять, какие формы обращения к руководству страны предпочитали граждане и что население ожидало от власти в качестве ответной реакции. Тем не менее, если сделать обзор литературы, заметно, что в области брежневского периода ряд аспектов в сравнении с предыдущими эпохами остается неизученным. Это касается и тех «писем во власть», что были адресованы руководству страны в связи с подготовкой третьей союзной Конституции, работа над которой шла порядка двух десятилетий, официально – с 25 апреля 1962 г. (образование Конституционной комиссии при Верховном Совете СССР) и до 7 октября 1977 г. (принятие Конституции СССР на сессии Верховного Совета СССР).

Безусловно, историография вопроса о «письмах во власть» на сегодняшний день располагает определенным количеством работ, посвященных корреспонденции в связи с разработкой Конституции «развитого социализма». Однако представления о характере конституционной почты у ряда авторов, как правило, весьма однозначны. Например, достаточно категоричные оценки даются в связи со всенародным обсуждением Конституции СССР, проходившим летом 1977 г. А.Н. Медушевский писал о том, что по вопросу принятия Конституции был воплощен в жизнь «сценарий», созданный властью⁶; В.Л. Шейнис утверждал, что во всенародном обсуждении Конституции принимали участие «люди, в подавляющем большинстве слабо подготовленные к освоению сложного юридического документа», все участники обсуждения «твердо знали правила игры и границы дозволенного»⁷. Существует убеждение, что коммуникация между населением и властью в СССР стала возможной только после смерти Л.И. Брежнева и его преемников: утверждается, что именно тогда «население начало верить в возможность диалога с государством и его представителями, налаживания механизмов участия в управлении государством, справедливого решения тех или иных вопросов»⁸. Складывается ощущение, что до наступления перестройки М.С. Горбачева население вовсе не знало никаких форм участия в управлении государством, не верило в возможность взаимодействия с властью.

А.Д. Попова и О.Д. Попова делают упор на том, что советские граждане в 1960-е гг. в письмах о союзной Конституции стали постепенно приближаться в своем сознании к принципам «гражданского общества»; авторы делают ярко выраженный акцент на этом термине: «...анализ, в частности, дает возможность говорить о своеобразном понимании в советском обществе одного из важнейших признаков гражданского общества – демократии и народовластия»⁹. Но представляется сомнительным, чтобы советские граждане в 1960–1970-е гг. мыслили в рамках таких терминов, как «гражданское общество», который столь активно используется исследователями.

Если брать работы, касающиеся писем граждан в Конституционную комиссию по разработке «брежневского» Основного Закона СССР, можно заметить, что авторы, как правило,

⁴ Напр., см.: Аксютин Ю.В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2004; Пыжиков А.В. Хрущевская «Оттепель» 1953–1964 гг. М., 2002.

⁵ Напр., см.: Попова О.Д. «В ЦК те же помещики и капиталисты...»: восприятие советскими людьми социального неравенства в СССР в 1960-е годы // Новый исторический вестник. 2016. № 2. С. 72–81; Савин А.И., Деннингхаус В. «Письма во власть» как модус религиозного диссидентства в брежневскую эпоху // Россия XXI. 2017. № 6. С. 118–141.

⁶ Напр., см.: Медушевский А.Н. Основной Закон СССР 1977 г.: государство и личность в эпоху «развитого социализма» // Полития. 2014. № 3. С. 161–164.

⁷ Шейнис В.Л. Власть и закон. Политика и конституции в России в XX–XXI веках. М., 2014. С. 316.

⁸ Шкаликова С.М., Нагорная О.С. Историческая ретроспектива коммуникации граждан с властью в дореволюционный и советский периоды // Вестник совета молодых ученых и специалистов Челябинской области. 2017. Т. 1, № 2. С. 78.

⁹ Попова О.Д., Попова А.Д. Отражение специфики ментальных установок советского общества в представлениях граждан о новой Конституции СССР в 1960-е годы // Вестник Пермского университета. История. 2020. Вып. 3. С. 193.

усиленно концентрируются на социально-экономических вопросах, на конкретике предложений одного ряда или порядка. Редко кто из них стремится обратить внимание на необычные формы выражения мысли в конституционной корреспонденции, на оригинальные примеры демонстрации идей и мыслей граждан, однако именно подобные примеры представляют немалый интерес для историка.

Тем не менее в исторической литературе уже сформировалась точка зрения, согласно которой «письма во власть» помогают продемонстрировать, что оригинальный творческий подход к диалогу с властью также имел место в ходе конституционной реформы 1960–1970-х гг. Так, идею о многообразии мышления и нестандартности выражения суждений гражданами в ходе создания союзной Конституции разделяет А.В. Шубин. Рассматривая сюжет всенародного обсуждения проекта Конституции в 1977 г., он отмечает: «Обсуждение Конституции показывает, насколько многообразным по взглядам и интересам было советское общество, насколько далеко оно было от застывшего монолита, которым его иногда изображают»¹⁰.

В современной исторической литературе тезис о творческом подходе граждан к диалогу с властью может быть описан термином «разномыслие». Одним из наиболее ярких авторов этого концепта является Алексей Юрчак, который писал: «Простые советские граждане активно наполняли свое существование новыми, творческими, позитивными, неожиданными и не продиктованными сверху смыслами – иногда делая это в полном соответствии с провозглашенными задачами государства, иногда вопреки им, а иногда в форме, которая не укладывается в бинарную схему за-против»¹¹. Наконец, применительно к рассматриваемой нами истории создания Основного Закона СССР 1977 г. подобную мысль о разнообразии предложений, умонастроений советских граждан в 1960–1980-е гг. проводил в свое время и автор данной статьи в монографии об истории создания «брежневской» Конституции: «Настроения граждан в письмах и выступлениях были разными. <...> письма и выступления граждан как исторический источник показывают все многообразие жизни и деятельности, менталитета и сознания советского общества»¹².

Проблематика данного исследования требует оговорки. Нельзя отрицать того, что существовали некие определенные стандарты, схемы в сознании советских граждан, обращавшихся к руководству страны: это связано с самыми разными причинами, прежде всего политико-идеологического характера. Разумеется, наиболее умеренная в своих настроениях часть советских граждан придерживалась того понимания, что критика власти или законодательства не могла быть огульной, жесткой или выходящей за рамки существовавшего в стране политического строя и господствующей идеологии, что круг затрагиваемых вопросов, в общем-то, заранее очерчен. Безусловно, оглядываясь на все многообразие конституционной корреспонденции, можно признать, что существовал некий условный «шаблон» письма гражданина с предложениями по поводу проекта Конституции СССР.

Для того чтобы продемонстрировать его существование, можно взять в качестве примера письмо А.В. Винниченко (Гомель, Белорусская ССР), присланное в Конституционную комиссию летом 1977 г. Автор разбил свое письмо на несколько пунктов, в первом из которых он отметил как важное событие в жизни страны старт всенародного обсуждения проекта после речи Л.И. Брежнева на Пленуме ЦК КПСС 24 мая 1977 г. Винниченко писал, что считает своим «коммунистическим долгом весьма кратко дать оценку проекта Конституции и внести к нему некоторые замечания». Во втором пункте письма он подчеркивает достоинства проекта, например, говоря о том, что он «написан глубоко, ярко, доходчиво»¹³, что он согласен с основными положениями проекта. Наконец, в третьем пункте Винниченко осторожно излагает свою критику с предложениями и поправками, касаясь статьи 12 проекта и сложного вопроса о нетрудовых доходах граждан, считая необходимым, чтобы в Конституции был «указан путь, исключая возможность получать <...> крупный нетрудовой

¹⁰ Шубин А.В. Золотая осень, или Период застоя. 1975–1985. М., 2008. С. 149.

¹¹ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2014. С. 45.

¹² Стрекалов И.Н. Последняя Конституция Советского Союза. К вопросу о создании. М., 2018. С. 305–306.

¹³ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 100. Оп. 5. Д. 706. Л. 30.

доход»¹⁴. Автор письма, зная, что его заявка может кому-то показаться смелой, предупреждающе заметил, что его предложение может быть и неучтенным, но просил в таком случае дать ему разъяснения. Собственно, такая структура письма – приветствие, похвала проекту, критика советской действительности с вытекающими из нее конкретными предложениями к тексту проекта и выражение надежды на то, что предложения будут учтены, – присуща большей части того огромного массива конституционной корреспонденции, который поступал в партийные и государственные учреждения, а также в иные инстанции, например, редакции газет или радио.

Однако далеко не все письма граждан, касавшиеся текста будущей Конституции СССР, были подобны по своей структуре тому, что представлено выше. Порой люди выходили за рамки шаблона, проявляли определенного рода смекалку, предлагали необычную форму изложения своей точки зрения, затрагивали вопросы, которые в какой-то степени были закрыты для обсуждения в советском обществе, демонстрировали весьма творческий подход к внесению поправок в определенные статьи конституционного проекта. Это свидетельствует о том, что население страны нельзя рассматривать как нечто идеологически единое, разделяющее какие-то очень определенные, ограниченные в себе ценности, как сообщество людей, не способное к выходу за рамки негласных «правил игры», устоявшихся в советском обществе. Документы фондов Верховного Совета СССР (Государственный архив РФ) и подотдела писем Общего отдела ЦК КПСС (Российский государственный архив новейшей истории), в том числе письма граждан о проекте Конституции СССР за 1962–1977 гг. позволяют выявить примеры нестандартного подхода советских граждан к политическому сотворчеству с представителями руководства страны.

Если говорить о «конституционной» корреспонденции 1960–1970-х гг. и нестандартных формах выражения гражданами предложений в адрес власти, то довольно часто творческие идеи высказывались в связи с государственной символикой Советского Союза. В письме от 12 ноября 1963 г. Э.Н. Киселев (Пенза) выразил свои пожелания относительно государственного герба СССР. Примечательно, что начинал он свое письмо, адресованное председателю Президиума ВС СССР Л.И. Брежневу, следующими словами: «Дорогой Леонид Ильич! Прошу извинить меня, что я отвлекаю Вас от дела, но мне очень хочется поделиться с Вами одной мыслью»¹⁵. В связи с тем, отмечал Киселев, что на XXII съезде КПСС наука признана одной из важных производительных сил советской экономики, герб, состоящий из серпа и молота, нуждается в дополнительных символах, таких как циркуль, модель атома и спутник. Завершал гражданин свое письмо столь же скромно, как и начинал, обращаясь все к тому же Брежневу: «Очень буду рад, если одобрите, сочтете нужным мое предложение, а если что не так, то прошу меня извинить»¹⁶. В 1966 г. супруги Вермениг (Украинская ССР) в своем письме, представив рисунок герба, предложили в его центре поместить Ленина и Кремль, обосновав это следующим образом: «1. В.И. Ленин подтверждает правильность нашего пути к коммунизму. 2. Кремль, как гордый сокол, который выстоял в годы войны перед немецкими захватчиками и остался не побежден, возрос славой на весь земной шар. 3. Звезда Кремля светит всему человечеству мира»¹⁷.

Очень часто в таких пожеланиях к изменению облика государственного герба СССР появлялся образ космоса. Советские люди видели в достижениях советской космонавтики огромную заслугу СССР и желали запечатлеть ее в главном символе государства. Так, в письме от 18 августа 1962 г. Ю.А. Соболев (Ленинград) рассуждал: «Россия первая начала штурмовать космос, она обогнала Америку. Это сделала партия, ученые и народ. Как я горжусь, что живу в Советском Союзе. Да, наши ученые хорошо потрудились, русские в космосе! <...> Космический корабль – символ мысли и знаний, символ прогресса нашей техники и труда, должен появиться на гербе моей Родины»¹⁸. П.Н. Криворотов (Баку) в 1966 г.

¹⁴ РГАНИ. Ф. 100. Оп. 5. Д. 706. Л. 32.

¹⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 333. Л. 16.

¹⁶ Там же. Л. 17 об.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 357. Л. 63.

¹⁸ Там же. Д. 329. Л. 116.

прислал письмо с рисунком проекта герба, на котором изображен космический корабль, вылетающий из пространства за стенами Кремля¹⁹.

Оригинальным являлся проект герба, нарисованный и представленный в Конституционную комиссию А.Н. Сизовым (Москва) в его письме от 17 января 1967 г.: в центре герба «помещена буденовка – память о победе в революции и гражданской войне. Представители всех слоев советского общества определенный срок носили этот головной убор почти вплоть до Великой Отечественной войны»²⁰. Также автор поместил в свой герб книгу как символ интеллигенции и настоящих коммунистов, а земной шар, на фоне которого располагаются все символы, должен был олицетворять надежду на то, что в будущем власть трудящихся победит во всем мире. Н.И. Мешалкин (Пермь) в письме от 7 мая 1975 г. предложил проект герба СССР (а точнее, проект в двух вариациях) на геральдическом щите, где были символы (автор пояснил их значение): серп, молот, циркуль – труд и созидание; кленовый лист – мир и доброжелательность; пшеничный колос – жизнь и благосостояние; пятнадцать звезд – союзные республики²¹. Показательно, что проекты гербов и флагов, которые предлагались советскими гражданами, как правило, говорят об их гордости за свою страну, за ее историю и достижения. Люди, которые их не только придумывали, но и собственноручно нарезали, клеили, рисовали, были полны энтузиазма и хотели поделиться своими идеями с представителями власти.

Аналогичная ситуация имела место и с государственным флагом Советского Союза. Г.С. Чапров (Крымская обл.) в письме 1971 г. предлагал к 50-летию образования СССР создать государственный флаг с пятнадцатью звездами золотого цвета – он не только выразил пожелание в письменной форме, но и приложил как образец флага к письму ткань с приклеенными на ней звездочками²². В.В. Патраков (Воронеж) в июне 1977 г. прислал свои предложения к флагу Советского Союза, где выразил пожелание, чтобы в центре флага была зеленая полоса, поскольку, по его мнению, это «обычно изображает жизнь, т.е. все молодое, прогрессивное, передовое и перспективное», это, в его понимании, «зеленая улица, которая, в конце концов, рано или поздно достигнет других стран нашей планеты, где восторжествует Коммунистическая идеология», а сам флаг при этом будет выглядеть «эстетически красивым, нарядным, торжественным и величавым»²³.

Безусловно, не все граждане были довольны проектом Конституции СССР. Недовольные, как правило, резко и категорично высказывались в отношении окружавших их советских реалий, описывали те явления жизни, когда было очевидно, что позитивные лозунги и речи с трибун расходятся с тем, что они видят вокруг себя. Некоторые из недовольных граждан в своих обращениях к власти в письмах не были сухими «критиканами», а, напротив, весьма сатирически обыгрывали отдельные положения документа. Например, И.И. Сухинин (Воронеж) в июне 1977 г. писал о недостатках производства одежды и обуви. Несмотря на статью о равноправии граждан, как отмечалось в письме, наблюдается неравенство в отношении людей, «рост которых превышает 185 см», т.е. граждан, которые «подвергнуты акселерации, т.е. увеличенному росту, начиная от 185 см и кончая 250 см». «Ростовки», посетовал Сухинин, как будто производятся только для людей невысокого роста. Одежда, которая поступает в магазин «Богатырь», по мнению автора письма, «изготавливается не для богатырей, а для пузатых и коротких», но не для «длинных людей», поэтому «в СССР нет жилого дома “для богатырей”»²⁴. Адресант письма был так недоволен потому, что его сын-девятиклассник был ростом более чем два метра, и в семье испытывали постоянные трудности с тем, чтобы купить нужную ему по росту одежду. Поэтому, заключал Сухинин, чтобы улучшить положение людей высокого роста, нужно организовать «Республику богатырей», «где они могли бы жить и работать по санитарным нормам, с правом принятия богатырей из

¹⁹ ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 355. Л. 158.

²⁰ Там же. Д. 358. Л. 367.

²¹ Там же. Д. 366. Л. 268.

²² Там же. Д. 362. Л. 93.

²³ РГАНИ. Ф. 100. Оп. 5. Д. 711. Л. 58.

²⁴ Там же. Д. 713. Л. 18.

других стран», а в армии и вовсе комплектовать «батальоны богатырей», в ЦК КПСС и Совете Министров СССР ввести «отделы акселерации», которые будут комплектоваться только из «длинных людей»²⁵. Очевидно, что для ряда советских граждан было характерно сатирическое восприятие действительности, и нередко оно помогало им в какой-то степени завуалировать сухую жесткую критику, с которой они готовы были обрушиться на власть предрежащих.

При изучении конституционной почты 1960–1970-х гг. встречаются и такие послания, которые отличаются совершенно нестандартным стилем письма, изложением, непривычным выплескиванием гаммы эмоций и чувств, темами, которые не было принято в советском обществе выводить на публичный уровень. Например, взять хотя бы письма А. Дроздовского из г. Одесса по вопросу права граждан на личную жизнь, датированные 1973 г. Сотрудники аппарата Президиума Верховного Совета СССР, которые их читали, были удивлены этими письмами, приписка к одному из них гласит: «Письмо сумбурное, автор производит впечатление душевнобольного человека. <...> в переписку с заявителем не вступать»²⁶. Дроздовский же коснулся темы половых отношений, обосновывая свой интерес к проблематике так: «Разумеется, пишу без лицемерия, потому что за эту концепцию ни моральной, ни материальной поддержки не получаю. Ведь существующие ныне обстоятельства иногда вынуждают на темное сотворить светлое. И не скоро ждать искренности от научного авторитета (социальной группы людей), потому что они пекутся о личном благе (комфорте), нежели о других»²⁷.

В одном из своих писем с заголовком «Электронная сваха» Дроздовский раскрывает идею применения ЭВМ (компьютера) для поиска партнера в личной жизни. Он пишет (курсив автора приводим в оригинале): «Партнер не хочет обременять себя заботами (на определенном жизненном этапе) по ведению совместного хозяйства. Живет в казенном доме и состоит на собственном балансе. ЭВМ с подобной психикой подберет ему (ей) партнера. В какое-то время и рай может быть в шалаше. <...> Как кто считает (опять же, на определенном жизненном этапе) иметь ребенка, когда, с кем, у кого и где быть и где находиться ребенку и т.п. У обратившегося за помощью к ЭВМ имеется возможность взять на свою жилплощадь приемлемого партнера. Другой ищет партнера с жилплощадью. ЭВМ сработала. <...> В дальнейшем опыт ЭВМ подскажет, как лучше организовать встречу (смотрины) ОДИНАКОВОМЫСЛЯЩИХ индивидуально или же в специальном клубе. <...> Такое положение не даст ошибок в подборе. НЕОБХОДИМОЕ НЕ БУДЕТ ЯВЛЯТЬСЯ СЛУЧАЙНЫМ. Лотерея исключается. <...> И этим сократит трату личного времени до минимума...»²⁸.

Дроздовский считал, что в жизни все и всегда (даже при социализме) происходит по расчету, в том числе и заключение брака, при котором рассчитываются склонности и возможности людей. Для последнего, по мысли автора, хорошо подходит ЭВМ. «ЭВМ ответит: “Пожалуйста, закон гибкий. Только вступая в такую связь, к Вам предъявляются следующие требования... – Согласны?”. Так улыбайся, человек, и живи себе на радость, нам и людям, т.е. на свое и наше здоровье. Вам никто не будет мешать»²⁹. При первом прочтении письма действительно складывается впечатление, что адресант имеет нарушения психики: он настойчиво посылал письма со своими предложениями об «электронной свахе» в различные периодические издания, например в «Литературную газету», откуда ему с вежливостью отвечали отказом. Но, как бы то ни было, налицо стремление автора писем выйти за рамки официального обсуждения, предложить оригинальный амбициозный проект, рассказать о своей идее как можно большему числу человек, в том числе и во власти, в надежде получить поддержку.

Не менее интересна в этом смысле и серия писем от кочегара Шакура Аминова (Ленинград), присланных в ходе всенародного обсуждения проекта Конституции в 1977 г.

²⁵ РГАНИ. Ф. 100. Оп. 5. Д. 711. Л. 19.

²⁶ ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 365. Л. 11.

²⁷ Там же. Л. 13.

²⁸ Там же. Л. 132.

²⁹ Там же. Л. 133.

В своих посланиях он как гражданин СССР обращается к странам Запада, и в его словах чувствуется желание достичь мира в отношениях с зарубежными партнерами, что, разумеется, весьма свойственно для тогда еще продолжавшейся эпохи «разрядки» в международных отношениях. Одно из писем Аминов начинается словами, расположенными по центру: «Прошу рассмотреть, высылаю не для картотеки, я ведь трудился, все-таки, для Отчизны!»³⁰. Среди посланий кочегара особо интересно выглядят те, что обращены к лидерам западных стран. Так, например, в своем письме к Президенту США Джимми Картеру он обращается так: «Девиз “разрушать и убивать”? Надеюсь, и вполне я уверен, что с этим девизом дикого алчно-злобного зверя-человека далеко не пойдете. Ведь Вы природу не создали. И закон природы неумолим. <...> Нет в природе ничего постоянного. Хотите это или нет, а подчиняться законам природы придется. Ваша система устарела, и она отойдет на свалку истории»³¹. Такое убеждение вполне характерно для советского человека, разделяющего официальную советскую позицию о странах «загнивающего» капитализма. Но форма выражения этой позиции весьма интересна – письмо простого гражданина, прямо адресованное руководителю зарубежной страны. Аминов призывал к миру американского президента, осуждал недавнюю войну во Вьетнаме и замечал, что Вашингтон не пережил 900 дней блокады Ленинграда и не знает, что такое по-настоящему страшное испытание в жизни, и что он, простой кочегар, никому и никогда не пожелал бы пережить такое.

Другое письмо Аминова начиналось с обращения «Здравствуй, Франция!». Даже не апеллируя к конкретному руководителю страны или его представителям, автор предложил создать скульптуру в честь Франции с натурщицы, которую выберут сами французы. Он ярко представил себе, как будет лепить эту скульптуру: «Буду ждать день и ночь тот час и минуту, да пожалуй и секунду, когда оно, т.е. письмо, а за ним – и она, натурщица, прилетят на сверхзвуковом “Конкорде” для посадки в Пулковском аэропорту у нас в Ленинграде. Когда на Советском сверхзвуковом я свезу Жанну Д’Арк в Париж, Париж!»³². Конечно, полет фантазии Аминова просто фантастический, он совершенно выходит за рамки обычного советского дискурса и является хорошим примером того, как некоторые советские граждане не боялись открыто выразить свои желания и мечты, обращаясь к руководителям Советского Союза.

Таким образом, рассмотрев ряд писем граждан, поступивших во властные структуры в 1960–1970-е гг. в ходе создания Конституции СССР 1977 г., можно констатировать факт, что в советском обществе были люди, стремившиеся к нестандартному, творческому, оригинальному подходу, мышлению, выражению своих суждений и позиций. Такое наблюдение позволяет нам отказаться от односторонних трактовок в отношении позднесоветского общества, не согласиться с суждением, согласно которому стремление граждан к политической активности, их интерес к государственному управлению проявились только в годы перестройки в СССР. Эпоха «развитого социализма» в свете истории создания третьей союзной Конституции демонстрирует обратное: порой советские люди в «письмах во власть» «разрывали» условный «шаблон» обращения, проявляли поистине творческий подход к поставленной перед ними властью задаче, облакали свои мысли в особые речевые формы, а также поднимали неожиданные темы для обсуждения. Это делало их письма «во власть» настоящим зеркалом их сознания и образа мысли.

Литература

Аксютин Ю.В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М.: РОССПЭН, 2004. 488 с.

Великанова О. Конституция 1936 года и массовая политическая культура сталинизма. М.: Новое литературное обозрение, 2021.

³⁰ ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 171. Л. 59.

³¹ Там же. Л. 84.

³² Там же. Л. 88.

Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность 1945–1953. М.: РОССПЭН, 1999. 229 с.

Кимерлинг А.С. «Прошу разобрать это письмо и устранить односторонние взгляды на рабочих, а иначе я буду вынужден написать в ЦК нашей партии»: письма во власть в послевоенные годы // Вестник РУДН. История России. 2013. № 2. С. 5–15.

Лившин А.Я. Эффективность реквизиционной и налоговой политики в 1917–1927 годах в письмах «во власть» // Вестник Пермского университета. История. 2020. Вып. 3. С. 139–150.

Лившин А.Я., Орлов И.Б. Власть и общество: Диалог в письмах. М.: РОССПЭН, 2002. 208 с.

Медушевский А.Н. Основной Закон СССР 1977 г.: государство и личность в эпоху «развитого социализма» // Политика. 2014. № 3. С. 149–168.

Морозова Т.И. Письма сибиряков во власть в условиях новой экономической политики // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 412. С. 89–97.

Попова О.Д. «В ЦК те же помещики и капиталисты...»: восприятие советскими людьми социального неравенства в СССР в 1960-е годы // Новый исторический вестник. 2016. № 2. С. 72–81.

Попова О.Д., Попова А.Д. Отражение специфики ментальных установок советского общества в представлениях граждан о новой Конституции СССР в 1960-е годы // Вестник Пермского университета. История. 2020. Вып. 3. С. 186–196.

Пыжиков А.В. Хрущевская «Оттепель» 1953–1964 гг. М.: ОЛМА-Пресс, 2002. 509 с.

Савин А.И. Письма во власть как специфическая форма политической адаптации советских граждан в 1930-е годы // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2016. Т. 15, № 8. История. С. 133–145.

Савин А.И., Деннингхаус В. «Письма во власть» как модус религиозного диссидентства в брежневскую эпоху // Россия XXI. 2017. № 6. С. 118–141.

Советская действительность и массовое сознание. 1939–1945 / сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. М.: РОССПЭН, 2003. 473 с.

Стрекалов И.Н. Последняя Конституция Советского Союза. К вопросу о создании. М.: Алгоритм, 2018. 432 с.

Шейнис В.Л. Власть и закон. Политика и конституции в России в XX–XXI веках. М.: Мысль, 2014. 1082 с.

Шкаликова С.М., Нагорная О.С. Историческая ретроспектива коммуникации граждан с властью в дореволюционный и советский периоды // Вестник совета молодых ученых и специалистов Челябинской области. 2017. Т. 1, № 2. С. 75–78.

Шубин А.В. Золотая осень, или Период застоя. 1975–1985. М.: Вече, 2008. 352 с.

Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 664 с.

References

Aksyutin, Yu.V. (2004). *Khrushchevskaya “ottepel’” i obshchestvennyye nastroyeniya v SSSR v 1953–1964 gg.* [The Khrushchev Thaw and Social Mood in the USSR in 1953–1964]. Moscow, ROSSPEN. 488 p.

Yurchak, A. (2014). *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos’. Poslednee sovetskoe pokolenie* [It was Forever Until It’s Ended. The Last Soviet Generation]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 664 p.

Kimerling, A.S. (2013). “Proshu razobrat’ eto pis’mo i ustranit’ odnostoronnie vzglyady na rabochih, a inache ya budu vynuzhden napisat’ v TsK nashey partii”: pis’ma vo vlast’ v poslevoennye gody [“Please Inquire into This Letter and Eliminate Unilateral View on Workers, Otherwise I will Be Compelled to Write to the Central Committee of Our Party”: Letters to Authorities in Post-War Studies]. In *Vestnik RUDN. Istoriya Rossii*. No. 2, pp. 5–15.

Livshin, A.Ya. (2020). Effektivnost' rekvizitsionnoy i nalogovoy politiki v 1917–1927 godah v pis'mah "vo vlast'" [The Efficiency of Requisition and Taxation Policies in 1917–1927 in Letters "To the Authorities"]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*. No. 3, pp. 139–150.

Livshin, A.Ya., Orlov, I.B. (2002). *Vlast' i obshchestvo: Dialog v pis'makh* [Authority and Society: Dialogue in Letters]. Moscow, ROSSPEN. 208 p.

Livshin, A.Ya., Orlov, I.B. (Eds.). (2003). *Sovetskaya deystvitel'nost' i massovoe soznanie. 1939–1945* [The Soviet Reality and Mass Consciousness. 1939–1945]. Moscow, ROSSPEN. 473 p.

Medushevskiy, A.N. (2014). Osnovnoy Zakon SSSR 1977 g.: gosudarstvo i lichnost' v epokhu "razvitogo sotsializma" [The Basic Law of the USSR 1977: State and Personality in the Age of "Developed Socialism"]. In *Politiya*. No. 3, pp. 149–168.

Morozova, T.I. (2016). Pis'ma sibiryakov vo vlast' v usloviyakh novoy ekonomicheskoy politiki [Letters of Siberians to the Power in the Conditions of the New Economic Policy]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 412, pp. 89–97.

Popova, O.D. (2016). "V TsK te zhe pomeshchiki i kapitalisty...": vospriyatie sovetskimi lyud'mi sotsial'nogo neravenstva v SSSR v 1960-e gody ["There are the Same Landowners and Capitalists in the Central Committee...": The Soviet People's Perception of Social Inequality in the USSR in 1960s]. In *Novyy istoricheskiy vestnik*. No. 2, pp. 72–81.

Popova, O.D., Popova, A.D. (2020). Otrazhenie spetsifiki mental'nykh ustanovok sovetskogo obshchestva v predstavleniyakh grazhdan o novoy Konstitutsii SSSR v 1960-e gody [Reflection of the Specifics of the Mental Attitudes of the Soviet Society in the Representations of Citizens about the New Constitution of the USSR in the 1960's]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*. Vol. 3, pp. 186–196.

Pyzhikov, A.V. (2002). *Khrushchevskaya "Ottepel'" 1953–1964 gg.* [Khrushchev "Thaw" 1953–1964]. Moscow, OLMA-Press. 509 p.

Savin, A.I. (2016). Pis'ma vo vlast' kak spetsificheskaya forma politicheskoy adaptatsii sovetskikh grazhdan v 1930-e gody [Letters to Authorities as Specific form of Soviet Citizens' Political Adaptation in 1930's]. In *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*. Vol. 15, No. 8, Istoriya, pp. 133–145.

Savin, A.I., Donninghaus, V. (2017). "Pis'ma vo vlast'" kak modus religioznogo dissidentstva v brezhnevskuyu epokhu ["Letters to Pover" as a Modus of Religious Dissidence in the Brezhnev Era]. In *Rossiia XXI*. No. 6, pp. 118–141.

Strekalov, I.N. (2018). *Poslednyaya Konstitutsiya Sovetskogo Soyuz. K voprosu o sozdanii* [The Last Constitution of the Soviet Union. About the Question of the Creation]. Moscow, Algoritm. 432 p.

Sheynis, V.L. (2014). *Vlast' i zakon. Politika i konstitutsii v Rossii v XX–XXI vekakh* [The Authority and The Law. The Policy and the Constitutions in Russia in the 20th–21st Centuries]. Moscow, Mysl'. 1082 p.

Shkalikova, S.M., Nagornaya, O.S. (2017). Istoricheskaya retrospektiva kommunikatsii grazhdan s vlast'yu v dorevolyutsionnyy i sovetskiy periody [Historical Retrospect of Communication of Citizens with Power in Pre-Revolutionary and Soviet Periods]. In *Vestnik soveta molodyh uchenykh i spetsialistov Chelyabinskoy oblasti*. Vol. 1, No. 2, pp. 75–78.

Shubin, A.V. (2008). *Zolotaya osen', ili Period zastoya. 1975–1985* [The Gold Autumn, or the Period of Stagnation. 1975–1985]. Moscow, Veche. 352 p.

Velikanova, O. (2021). *Konstitutsiya 1936 goda i massovaya politicheskaya kul'tura stalinizma* [The Constitution of the USSR 1936 and Mass Political Culture of Stalinism]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 360 p.

Zubkova, E.Yu. (1999). *Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost' 1945–1953* [The Post-War Soviet Society: The Policy and Everyday Life in 1945–1953]. Moscow, ROSSPEN. 229 p.